

Сянь Пань с давних пор привык вести себя властно в Цзиньлине. Его семейство было там настоящим местным царьком, и даже если он похищал пару человек, никто не смел сказать и слова.

Отправляясь в столицу, Сюэ Баочай бесчисленные разы наставляла его вести себя поскромнее.

Под самым носом у Сына Неба обитало множество сановников и аристократов, и она страшно боялась буйного нрава своего братца: натвори он бед, под удар попало бы всё семейство.

Однако Сянь Пань сдерживался всего пару дней, после чего его замашки деспота вновь вырвались наружу.

Линь Чэньюй помрачнел. Он и раньше знал, что Сянь Пань — мерзавец и подонок, но никак не ожидал, что до такой степени.

Ему самому сейчас не было и десяти лет, но Сянь Пань, воспылав похотью, посмел замышлять подобные грязные гадости — он просто ищет смерти.

Уголки губ Линь Чэньюя чуть приподнялись. Сянь Пань решил, что мальчик согласился, и протянул руку, намереваясь притянуть его к себе.

Шисы смотрел на этого глупого и самоуверенного наглеца, мысленно проливая по нему крокодиловы слёзы.

Другие могли не знать методов юного господина, но он-то был прекрасно с ними знаком.

Тогда, когда юный господин собственными руками расправлялся с торговцами людьми, та картина заставила содрогнуться от ужаса даже его, человека, привыкшего к пролитой крови.

Лицо Сянь Паня сияло от предвкушения чарующей улыбки красавца.

Линь Чэньюй улыбнулся, рука взметнулась, нож опустился — раздался вопль, и в ладонь Сянь Паня вонзился кинжал.

Все вокруг замерли в шоке, никак не ожидая от столь юного господина такой жестокости и решительности.

Свита Сянь Паня пришла в ужас и ярость, люди наперебой принялись бранить мальчика и грозились упрятать его в темницу.

— Кого это вы собрались упрятать в темницу?

Средоточие мощи и силы, Сюэ Чжэн стоял на пороге, и его аура давила так, что людям становилось трудно дышать.

Сянь Пань вопил:

— Я подам в суд! Среди бела дня посмел покалечить человека, где вообще справедливость?!

Шисы быстренько пересказал Сюэ Чжэну всё, что произошло.

— Справедливость? Ты еще смеешь говорить о справедливости, какая наглость.

Охранники расчистили путь, Сюэ Чжэн обошел эту кучку никчемных людишек и встал перед

Линь Чэньюем:

— Среди бела дня творишь такую грязь, от которой людей тошнит, и еще имеешь наглость рассуждать о законе.

Сянь Пань прижал руку, из которой непрерывно сочилась кровь:

— Ты еще что за хрен с горы? Смеешь лезть не в свое дело!

— Дерзко! Этот человек посмел оскорбить князя, взять его!

Рев охранника прозвучал так громко, что у тех самых крикунов, что еще мгновение назад угрожали всем подряд, души ушли в пятки.

К-князь?!

С такой внешностью и властной аурой перед ними определенно стоял тот самый ледяной и безжалостный Линьхуай-ван!

Жизни их висели на волоске!

Как высокопоставленный Линьхуай-ван вообще мог оказаться здесь?

У Сянь Паня подкосились ноги, и он рухнул на колени. Забыв о ране на руке, он семенил на коленях вперед и молил о пощаде:

— Ничтожный не знал о прибытии князя, это слепец посмел проявить слепоту...

Стоило ему опуститься на колени, как вся его свита гурьбой повалилась следом. Хотя Сянь Пань был главным зачинщиком, их всех можно было считать соучастниками, и отвертеться не смог бы никто.

В один миг вокруг зазвучали сливающиеся в единый хор крики о помощи и мольбы о пощаде.

Шум начал утомлять Сюэ Чжэна.

— Уведите всех. Проверьте, чем они занимались раньше, и покарайте по всей строгости закона.

— Слушаемся!

Когда смутьянов увезли, вокруг воцарился полный покой. Линь Чэньюй брезгливо покрутил в пальцах испачканный кровью кинжал, поднял взгляд на Сюэ Чжэна, а затем посмотрел еще раз.

Все его тайные мысли были написаны на лице.

Сюэ Чжэн едва заметно усмехнулся и забрал оружие:

— Ладно, я сам его вымою. Какой же ты капризный.

Линь Чэньюй хотел было возразить, но его нынешнее поведение и впрямь мало напоминало мужское, поэтому он лишь фыркнул и с громким топотом поднялся вверх.

Сюэ Чжэн вздохнул:

— И впрямь маленький деспот.

Комната Небесного номера один полностью оправдывала звание лучшего отдельного кабинета: прекрасный обзор и отличная планировка. Линь Чэньюй приник к окну, наблюдая за представлением на сцене.

Первый номер не представлял собой ничего особенного, а вот второй удивил.

Это оказалась самая настоящая сценка в жанре юмористической миниатюры.

Выражение лица Линь Чэньюя резко изменилось: откуда здесь могла взяться миниатюра?

Неужели в этом мире есть и другие попаданцы?

Сюэ Чжэн подошел с чашкой чая и поднес к его губам:

— Что такое?

Лицо мальчика так внезапно переменялось — неужели он сделал что-то не так и расстроил его?

Сюэ Чжэн мысленно перебрал события дня: всё было улажено прекрасно, никаких других происшествий не случалось. Почему же этот маленький деспот снова недоволен? Какая досада.

Ли Чэньюй сделал поданный ему глоток, после чего наотрез отказался пить дальше:

— Я хочу вон то.

Он указал пальцем на стоявшие на столе тарелки со свежими сезонными фруктами — все они были тщательно отобраны и поданы к столу в самом лучшем виде. Ли Чэньюй не проявил интереса ни к чему другому, его манил лишь виноград.

— Хорошо.

Сань Чжэн взял тарелку, чтобы покормить его, и совершенно естественно подставил руку под самые губы юноши, ожидая, когда тот выплюнет косточки.

Цзяо Ши уже давно привык к подобному. Ещё во времена их пребывания в поместье Ли господин вытворял вещи и похлеще, способные повергнуть в шок.

Однако стражники, сопровождавшие Сюань Чжэна сегодня, сохранять спокойствие были совершенно не способны — их челюсти вот-вот готовы были отвалиться от удивления.

В этот момент взгляды, которые они бросали на молодого господина из семьи Ли, менялись снова и снова. Поначалу они думали, что ван просто забавляется от нечего делать, коротая время, но они никак не ожидали, что ван зайдёт так далеко.

Судя по всему, в будущем к этому молодому господину придётся относиться еще с большим почтением.

Съев всего несколько ягод, Ли Чэньюй отказался есть дальше. Сюань Чжэн цокнул языком и произнес:

— А ведь ты говорил, что можешь съесть за раз пять пиал. А сейчас, стоило лишь сделать пару глотков чаю да съесть с десятков виноградин, как ты уже голосишь, что больше не лезет. Похоже, ты меня обманул.

Ли Чэньюй прислонился к кушетке и легко пнул его ногой в носке — удар вышел едва ощутимым, словно ласковое поглаживание.

— Болтун.

Сюань Чжэн перехватил его стопу и не отпускал:

— Ты еще смеешь называть меня болтуном, маленький лжец? Кто тут говорил, что лжецы — собаки? Разве не ты?

Выражение лица Ли Чэньюй так и говорило: ну и что, допустим, я, и что ты мне сделаешь? От этого у Сюань Чжэна зачесались зубы, ему так и хотелось прикусить юношу.

— Ах ты маленький лжец, ну погоди, я с тобой расправлюсь.

Пальцы Сюань Чжэна шевельнулись, принимая позу для щекотки.

Умный человек подчиняется обстоятельствам.

Ли Чэньюй тут же поспешил взмолиться о пощаде:

— Я неправ, я не должен был тебя обманывать. Я лжец, я собака.

Сюань Чжэн скосил на него глаза, оставшись не до конца довольным, и продолжил ломать комедию, ожидая от юноши ласковых слов:

— И?

Ли Чэньюй вдруг тихонько выдавил из себя всего один слог:

— Гав.

Сюань Чжэн замер. Изначально он просто хотел заставить этого капризного предка поластиться к нему, но никак не ожидал от него такого перформанса.

Однако мгновенное оцепенение тут же сменилось восторгом. Сюань Чжэн растаял от умиления, словно услышал какую-то небесную музыку.

До чего же сладко звучало.

Сюань Чжэн расцвел от радости. Ему хотелось улыбнуться, но он боялся, что предок разгневается и снова перестанет разговаривать с ним целыми днями, поэтому оставалось только сдерживаться изо всех сил.

— Голос моего Чэньюя просто прекрасен, даже когда он лает по-собачьи... Ай... больно.

Сюань Чжэн схватился за руку и жалобным голосом протянул:

— Как больно.

Самый излюбленный приемчик этого вредного юноши заключался в том, чтобы ухватить его за клочок кожи и изо всех сил ущипнуть.

Но и на этот случай у Сюань Чжэна имелся способ противодействия: всякий раз, когда Ли Чэньюй собирался применить этот трюк, он мгновенно напрягал мышцы, не оставляя тому возможности за что-либо уцепиться.

Однако сейчас этот предок только что изображал щеночка, и если бы ему снова не дали ущипнуть себя, Сюань Чжэн до смерти боялся, что тот рассердится и перестанет обращать на него внимание.

Ли Чэньюй молча наблюдал за его разыгрываемым представлением.

Сюань Чжэн засучил рукав, обнажая покрасневшее место, и с видом полной правоспособности подsunул руку прямо под нос Ли Чэньюю:

— Смотри, покраснело.

Ли Чэньюй взглянул — и впрямь покраснело.

На красивой руке отчетливо выделялось бросающееся в глаза красное пятно. Делая вид, что его это страшно раздражает, Ли Чэньюй помассировал пострадавшее место:

— Все.

От этих манипуляций покраснение только расползлось шире, но Сюань Чжэн с довольным видом убрал руку и принялся с преувеличенным восхищением расточать похвалы:

— У моего Чэньюя и вправду руки поистине искусного лекаря, даже императорским лекарям

из Врачебной палаты с ним не тягаться.

Ли Чэньюй:

— Закрой рот.

Стражникам было откровенно стыдно смотреть на то, во что превратился их ван.

Куда подевались его прежняя пронизательность и величественная доблесть?

Они понятия не имели.

<http://bllate.org/book/20882/2111136>